7. Неидентификационные исследования в почерковедческой экспертизе / Л.Е. Ароцкер, А.Б. Бродская, С.М. Вул [и др.] URL: http://ezotery.ru/graph_16.php.

8. Почерк. URL: //http://www.blogwar.ru/article/%D0%9F%D0%BE%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%BA.

9. Селезнева Л.Б. Графический уровень в системе русского языка // Язык и письмо : сб. науч. тр. Волгоград, 1995. С. 4–15.

Handwriting qualities in the system of writing

There are considered such qualities of handwriting as individuality and steadiness. These qualities appear in the reverse; individuality may cause communicative barriers in the process of written correlation, and steadiness makes it possible to find out the written on the basis of graphic signs identification. This is the phenomenon of handwriting in the system of writing.

Key words: *handwriting, writing, speech, graphic sign, individuality and steadiness as the quality of writing.*

Е.С. ГОЛИМБИОВСКАЯ
(Ульяновск)

УРОВНИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АНАФОНИИ

На трех уровнях лингвистического исследования (языковых единиц, текста и языка как системы подсистем) анализируется анафония. В качестве объективных критериев ее существования рассматриваются наличие опорного/ ключевого слова или элемента и звуковых повторов к нему.

Ключевые слова: *анафония, звуковой повтор, опорное слово, ключевой элемент, речевой фон.*

В современной лингвистике исследованию анафонических структур уделяется большое внимание. Одним из последних аспектов изучения данной проблемы является вопрос о видах анафонии и критериях доказательства самого факта существования различных типов анафонии.

Под анафонией мы понимаем такую неканонизованную форму звуковой организации, «при которой звуковой состав того или иного слова-темы воспроизводится в тексте не полностью» [5, с. 20]. Как видно из определения, большую роль при изучении анафонии играет понятие слова-темы. Тематические слова представлены в любом тексте, «независимо от его функционально-стилевой принадлежности, поскольку предмет сообщения в значительной степени предопределяет круг обозначающей его лексики» (Там же, с. 23). Они в свою очередь делятся на опорные и стилеобразующие. Первые являются логической основой текста, вторые придают ему стилистическую окраску.

Ключевое слово представляет собой разновидность опорного слова. Главной отличительной чертой ключевого слова считается семантико-стилистическая многослойность. В процессе развития текста ключевое слово меняет свое понятийное содержание, приобретает новые коннотации и получает индивидуальное авторское значение.

Вслед за А.И. Горшковым лингвисты могут анализировать речевой материал на трех уровнях: языковых единиц, текста и языка как системы подсистем [3, с. 5–13]. Следовательно, выделяются три различных вида анафонии: контекстуального, текстового и общеязыкового характера.

Поскольку понятие анафонии неразрывно связано с понятием тематического слова, возникает вопрос: каким образом соотносится разграничение трех вышеперечисленных типов анафонических структур с разграничением тематических, опорных и ключевых слов?

Тематические и опорные слова присутствуют в любом тексте, в любой коммуникативной единице, а следовательно, могут характеризовать любой уровень лингвистического исследования. Что же касается ключевых слов, они должны быть «отнесены прежде всего к уровню текста, поскольку реализуют особый композиционный прием» [5, с. 129]. Рассмотрим подробнее все виды анафонии.

Анафония на уровне языка как системы подсистем «наблюдается в различных языковых формулах воспроизводимого характера» (Там же, с. 136). К таким в русском языке относятся дразнилки (*Андрей-воробей, не гоняй голубей; Антошка - картошка, соломенная ножка; Гришка, Гришка украл топоришко; Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй; Федя-медя съел медведя; Миронушка, Мирон – полна пазуха ворон* и др.), а также некоторые пословицы типа *Москва бьет с носка, а Питер бока повытер; Один в Москве, другой*

© Голимбиовская Е.С., 2012

в Вологде, а оба голодны; Царство Москва, а мужикам тоска; На Руси не все караси, есть и ерши. В качестве слова-темы чаще всего выступают имена собственные. Однако можно встретить пословицы и поговорки, где таковыми являются и имена нарицательные: *Месяц январь – зимы государь; Матушка весна – всем красна* и др.

Во французском языке общеязыковая анафония проявляется в следующих пословицах: *D'Angleterre ne vient ni bon vent ni bonne guerre. – Из Англии не жди ни хорошего ветра, ни хорошей войны; À Paris ils ont chers les prix. – В Париже цены высоки; Paris n'a pas été bâti en un jour. – Париж не строился за один день*, аналог русской поговорки *Москва не сразу строилась,* или *Tout chemin mène à Rome. – Все дороги ведут в Рим*.

Не стоит путать анафонию общеязыкового характера с общеязыковой фонетической гармонией, где звуковая организация не направлена на воспроизведение звукового состава слова-темы, а имена собственные выступают в подчиненной роли и используются только для благозвучия. В русском языке это пословицы *У всякого Федорки свои отговорки; Всяк Семен про себя умен; Каждая Аленка хвалит свою буренку; Мели, Емеля, твоя неделя; Богат Ермошка: завел кота да кошку; Худ Роман, когда пуст карман,* и т.п.

Во французском языке фонетическая гармония часто встречается в арготических выражениях типа *A la tienne, Etienne! За тебя, (Этьен)!; Que veux-tu qu'on y fasse, Boniface? – Ну что поделаешь, (Бонифаций)?; Il n'y a pas de roses sans épines, n'est-ce pas Joséphine? – Нет розы без шипов (не так ли, Жозефина); Vas-y, Tasie! – Давай, (Тази)! Вперед!; Pas de gène, Eugène! – Не стесняйся, (Эжен); Dans le mille, Emile. – В десятку, (Эмиль)* и др. При переводе таких арготических высказываний имена собственные можно опускать, поскольку они не несут никакой смысловой нагрузки.

Анафония контекстуального характера (другими словами, анафония на уровне языковых единиц) представляет собой самый распространенный вид анафонии и по отношению к ключевому слову «выступает как звуковое окружение, звуковой контекст… или как одна из разновидностей положительной контекстуальной фонетической мотивированности указанного слова» [5, с. 123, 129]. Обязательным критерием для подтверждения ее присутствия в тексте является наличие опорного слова и звуковых повторов к нему в пределах стихотворной строки, т.е «привычного максимума в двенадцать слогов» [4, с. 272]. Звуковые повторы на уровне языковых единиц можно разделить на:

– повтор одного согласного: *Il est ainsi de pauvres coeurs* (E.Verhaeren. Février. Les pauvres); ***Bon** pour la gnôle à l'au**b**e et l'angoisse au créneau* (L. Aragon. La valse des vingt ans); *J'ai re**t**rouvé deux fau**t**euils verts* (J. Brel. Les deux fauteuils)*; Hier encore/ J'a**v**ais **v**ingt ans* (Ch. Aznavour. Hier encore);

– тройное употребление согласного: *Honneur au **fou** qui ferait **f**aire* (P-J. de Béranger. Les fous); *Et les **barbons** **r**ègnent toujou**r**s* (P-J. de Béranger. Les infiniment petits ou la gérontocratie); ***Bon** pour la marche et pour la **b**oue et pour les **b**alles* (L. Aragon. La valse des vingt ans); *Le **m**onde est **méchant**, **m**a petite* (Th. Gautier. Le monde est méchant);

– повтор(ы) гласного: *T**ou**s n**ou**s crions: À bas les f**ou**s* (P-J. de Béranger. Les fous); *Ils me disent que t**u** es br**u**ne* (P.Verlaine. Chanson pour elles); *Six pieds sous terre **Jojo** tu chantes enc**o**re* (J. Brel. Jojo);

– звукопись: ***La** blanche **Ophélia** **fl**otte comme un grand **l**ys* (A. Rimbaud. Ophélie); *O **Satan**, pr**en**ds pitié de m**a** longue misère!* (Ch. Baudelaire. Les litanies de Satan); *Et c**e** **Londres** **de** fo**n**te et **de** b**ronze**, m**on** âme* (E.Verhaeren. Londres); ***Madeleine** c'**est** **m**on **Noël*** (J. Brel. Madeleine); ***Ne** ch**e**rche pl**u**s, aux **l**armes d'**Hélène*** (G. Brassens. Les sabots d'Hélène);

– повтор дифона: ***De**nys, chassé **de** Syracuse,/ A Corinthe se fait pédant* (P-J. de Béranger. Denys, maître d' école); *Puisque le **tyran** est à bas,/ Laissez-nous p**ren**dre nos ébats* (P-J. de Béranger. Requête par les chiens de qualité); *Lunes des c**or**rid**or**s vides et blêmes,/ Les **horloges**, avec leurs yeux* (E.Verhaeren. Les horloges); ***Martinet** aux ailes trop l**ar**ges, qui vire et crie sa joie autour de la maison* (R. Char. Le martinet); ***Ra**ppelle-toi Barba**ra**/ Il pleuvait sans cesse sur Brest ce jour-là* (J. Prévert. Barbara);

– повтор полифона: *Tous, ils ont dû des rêves à ses **char**mes:/ Ah! faisons-lui la **charité*** (P-J. de Béranger. La pauvre femme); *Et scruté par les yeux des **treize** grands por**trai**ts* (M. Rollinat. La bibliothèque); *Faire ensuite le portrait de l'arbre/ en ch**ois**issant la plus belle de ses branches/ pour l'**oiseau*** (J. Prévert. Pour faire le portrait d'un oiseau).

Выделяют фономорфологические повторы (повторы однокоренных слов, одинаковых морфем и т.д.), например: *Un **vigneron** chantait courbé dans sa **vigne*** (G. Apollinaire. Le vigneron champenois); ***Chasse** le czar, **chasse** l'Autriche,/ Ô **Chasseur** Noir!* (V. Hugo. Le chasseur noir). Созвучия внутри строки («внутренняя риф-

ма») могут находиться в пределах одной строки (горизонтальные) и в пределах соседних строк (вертикальные) [2, с. 128], например: *Puis les* ***bonbons*** *c'est tellement* ***bon*** (J. Brel. Les bonbons); *Et* ***fleurit*** *Gabriel* ***Péri*** (L. Aragon. Légende de Gabriel Péri) – горизонтальные созвучия. К примерам вертикального созвучия можно отнести следующие:

En un ***temps*** *de misères*
Roger ***Bontemps*** *est né.*
(P-J. de Béranger. Roger Bontemps),
Tes ***yeux*** *rendent jaloux le ciel d'après la pluie*
Le verre n'est jamais si ***bleu*** *qu'à sa brisure*
(L. Aragon. Les yeux d'Elsa).

Анафония текстового характера – явление более сложное и менее распространенное и вследствие этого более интересное для изучения. В отличие от контекстуальной анафонии, для доказательства факта существования подобного вида структур на уровне текста требуется наличие не просто слова-темы или опорного слова, а именно ключевого слова/ элемента, а также «сохранение звуковой переклички» с этим словом/ элементом на протяжении всего текста [5, с. 136]. Выявить данный тип анафонии представляется более возможным в текстах малого объема, какими в большинстве своем являются стихотворные тексты.

Согласно методике анализа анафонии, предложенной А.В. Пузыревым (Там же, с. 135–137), для подтверждения наличия анафонии на уровне текста необходимо провести следующие операции: выделить ключевое слово и определить, превышают ли звуки этого слова речевой фон, т.е. обычную частотность звуков во французской поэзии. Поскольку ключевая роль в тексте может принадлежать не только слову, но и словосочетанию, предложению или даже сложному синтаксическому целому, следует говорить не только о ключевом слове, но и о ключевом элементе текста (КЭ). Ключевое слово в этом случае является лишь частным случаем использования КЭ. Таким образом, ключевой элемент представляет собой семантико-композиционный центр текста, «единицу, семантически не равную самой себе в начале и конце порождения (восприятия) текста» (Там же, с.132). Исходя из того, что ключевой элемент обычно участвует в композиции текста ($КЭ_1 \rightarrow Р_т \rightarrow КЭ_п$, где $КЭ_1$ – первое употребление ключевого элемента, $Р_т$ – развитие темы, $КЭ_п$ – последнее употребление ключевого элемента, обогащенного в результате развития темы новым поэтическим смыслом), его невозможно обнаружить в словосочетании или предложении – ключевой элемент может присутствовать только в коммуникативных единицах с композиционной оформленностью (например, строфа, комплекс предложений, текст и т.д.).

Процесс анализа поэтического произведения на предмет наличия в нем текстовой анафонии рассмотрим на примере стихотворения П. Элюара, в котором автор отразил трагическое положение своей страны в начале 1940-х гг.

Dressé par la famine	***Вымуштрован голодом ребенок***
Dressé par la famine	*Вымуштрован голодом ребенок*
L'enfant répond	*У него на все один ответ Я ем*
toujours je mange	*Ты идешь Я ем*
Viens-tu je mange	*Ты спишь Я ем.*
Dors-tu je mange	(пер. М. Ваксмахера)

Ужасные лишения и боль французского народа отражены в нескольких строках. Устами ребенка поэт выразил то, что творилось в душах тысяч людей. Страшное слово «голод» стало своеобразным символом Франции того времени. С каждым новым употреблением КЭ-строки (je mange/ я ем) мы понимаем, насколько это было тяжело. Нам становится ясно, что люди не могли думать ни о чем, кроме еды, это стало единственным смыслом их жизни.

Определив ключевое слово / элемент текста, необходимо установить, превышают ли звуки, входящие в его состав, речевой фон и подтвердить либо опровергнуть наличие анафонии. Для этого нам требуется подсчитать общее количество звуков стихотворения и количество звуков, входящих в состав ключевого слова / элемента:

№ строки	Звуков всего	ʒ	m	ə	ã
1	15		1		
2	18	3	1	1	3
3	10	2	1	1	1
4	10	2	1	1	1
	Итого: 53	7	4	3	5

Подсчитав количество интересующих нас звуков и общее количество звуков в тексте, вычислим их текстовую распространенность и сравним ее с речевым фоном, установленным нами ранее [1, с. 53–55]. Незначительное превышение частотности звуков не всегда говорит о наличии анафонических структур, поэтому мы будем учитывать только превышение речевого фона в 1,5 раза и более.

X_n – средняя частотность
X_t – текстовая распространенность
$ʒ_n = 1{,}51\%$
$ʒ_t = 7 \cdot 100 : 53 = 13{,}208\%$
$ʒ_t : ʒ_n = 13{,}208 : 1{,}51 = 8{,}75$

Текстовая распространенность звука [ʒ] превышает норму в 8,75 раза.

$M_n = 3{,}475\%$
$M_t = 4 \cdot 100 : 53 = 7{,}547\%$
$M_t : M_n = 7{,}547 : 3{,}475 = 2{,}17$

Текстовая распространенность звука [m] превышает норму в 2,17 раза.

$ə_n$ = 6,135%
$ə_t$ = 3·100:53= 5,66%
$ə_t : ə_n$ = 5,66:6,135= 0,92

Текстовая распространенность звука [ə] незначительно ниже нормы.

$\tilde{a}_n$ = 3,655%
$\tilde{a}_t$ = 5·100:53= 9,43%
$\tilde{a}_t : \tilde{a}_n$ = 9,43:3,655= 2,58

Текстовая распространенность звука [$\tilde{a}$] превышает норму в 2,58 раза.

Мы установили, что текстовая распространенность трех звуков ключевого элемента ([ʒ], [m], [$\tilde{a}$]) превышает норму. Это подтверждает присутствие текстовой анафонии в данном произведении.

Специального изучения заслуживают вопросы анафонии различных уровней в творчестве отдельных писателей, а также возможности передачи анафонических структур с одного языка на другой.

Литература

1. Голимбиовская Е.С. Ключевой элемент как условие существования анафонии на уровне текста // Язык. Культура. Коммуникация : материалы V Всерос. заоч. науч.-практ. конф. / отв. ред. проф. С.А.Борисова. Ульяновск : Ульян. гос. ун-т, 2011. С. 50–57.

2. Гончаров Б.П. Звуковая организация стиха и проблемы рифмы. М. : Наука, 1973.

3. Горшков А.И. Теоретические основы истории русского литературного языка. М. : Наука, 1983.

4. Жирмунский В.М. Теория стиха. Л. : Сов. писатель, 1975.

5. Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. М.; Пенза : Ин-т языкознания РАН; ПГПУ им. В.Г. Белинского, 1995.

The levels of linguistic research of anaphony

There is analyzed the anaphony at three levels of linguistic research (language units, text and language as a system of subsystems). As the objective criteria of anaphony, there is regarded the basic/key word or the element and its sound repetitions.

Key words: *anaphony, sound repetition, basic word, key element, verbal background.*

А.И. ЦОЙ
(Волгоград)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЭМОТИВНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ

Описаны особенности бизнес-коммуникации на современном этапе ее развития. Исследуется эмотивная вкрапленность в рациональную ткань бизнес-общения. Представлены лексические средства эмотивных вкраплений в устную и письменную бизнес-коммуникацию на русском и английском языках.

Ключевые слова: *бизнес-коммуникация, эмотивность, эмотивные вкрапления, лексические средства.*

Сфера бизнес-коммуникации (БК) заслуживает пристального исследовательского внимания в силу своей стилистической специфики. В современных социокультурных условиях наблюдается тенденция персонификации коммуникативного процесса и, как следствие этого, − проявление личностно-творческого потенциала участника профессиональной коммуникации.

Данное исследование проводится в аспекте эмотиологии – современного раздела языкознания, основным акцентом которого является изучение лингвистических основ проявления эмоциональности человека [6]. Вербализация эмоций в профессиональной коммуникации позволяет глубже понять сущность человеческого бытия и деятельности в ее языковом оформлении.

Несмотря на большой исследовательский интерес лингвистов к деловой коммуникации (Т.В. Анисимова, Т.Н. Астафурова, З.И. Гурьева, Н.А. Карабань, Е.В. Ковшикова, С.П. Кушнерук, Т.А. Милехина, С.В. Мкртычян, А.А. Романов, О.П. Сологуб, О.А. Ускова, Н.Ю. Чигридова, Т.А. Ширяева и др.), изучение эмотивного компонента в БК не было предметом научного исследования. Недостаточно изучена эмотивная составляющая данного типа коммуникации, ее проявление через различные формы взаимодействия коммуникантов. В данной статье представлены особенности такой формы реализации эмотивного компонента, как *эмотивная вкрапленность*, определяемая как оптимально-минимальное использование средств эмотивности для воз-

© Цой А.И., 2012